

Осенняя элегия

1

— Почему у леска
нет уже ни листка,
и повсюду испуг и тоска?
— Ты прости им испуг.
Это осень, мой друг,
потому и тоскливо вокруг.

— Ты живешь не греша,
не скопил ни гроша,
отчего же томится душа?
— Потому что, дружок,
скоро первый снежок
упадет на соседний лужок.

— Почему ж ты, простак,
не бросаешь верстак,
если ждут тебя холод и мрак?
— Мне не страшно, пока
есть в работе строка,
только жаль, что она коротка...

2

Тополек под окошком листвою начинает бросаться.
Наступает сентябрь. Это значит, что будет писаться,
сомневаться, отшельничать, бражничать, поздно ложиться,
и с листвою умирающей в медленном танце кружиться,
и с дождем морозящим своим настроением равняться.
Наступает сентябрь. Это значит, что надо обняться
и, спасаясь от стужи, покрепче к подруге прижаться,
и смотреть, как на лужи снежинки неслышно ложатся...

Опять осенние тучи,
свинцовые, тяжеленные,
к земле не дают пробиться
солнечному лучу...
Ронять с листвой свои годы
без боли и сожаления,
как этот поникший тополь,
я научиться хочу.

Буду случайных прохожих
пестрым нарядом радовать,
встречать равнодушное солнце,
стоя в холодной росе,
и следить
за тем,
как с листвою
на землю года мои падают,
медленно,
денечек
за денечком,
пока
не закончатся
все...

Мортирка

Провинциальная фантасмагория

Обдирая в потемках забор,
он, к соседскому дому впритирку,
выводил прогуляться во двор
повидавшую виды мортирку.

Он ее из музея увел
и пропажи никто не заметил...
...Горделивый немецкий орел
восседал у нее на лафете.

Породила мортирку война,
что со временем как-то забылось,
и к нему привязалась она
и за это ему полюбилась.

Он гордился подобным родством
и, досужим назло разговорам,
очищал ей от ржавчины ствол
и воинственно лязгал затвором.

Голоса из неведомых мест
постоянно просили подмоги...
Жаль, что не было больше окрест
ни жилья, ни проезжей дороги.

Выпадало ему не впервой
воевать на потеху округе,
и похмельно мотать головой,
и на землю бросаться в испуге...

И казалось, что кто-то другой
по ухабам мортирку таскает
и командует:
— Беглый огонь! —
за снарядом снаряд выпускает...

...Возвращался он к дому бегом,
обгоняя веселое пламя,
и косматые лохмы его
на ветру трепетали, как знамя...

Кот

Рождественская история

*Бубе, Гоше, Панкрату, Пухе и остальным
пушистым обитателям моей квартиры*

Кот на скамейке весь вечер сидел
И на прохожих с надеждой глядел.
Видно, прогнали его со двора
И побираться настала пора.

Может, он мебель когтями подрал
И от побоев трусливо удрал.
Может быть, криком своим надоел
Или из миски хозяйской поел...

Был он не худ и ухожен пока,
Но седина побелила бока.
Было тоскливо ему потому,
Что не хотелось сидеть одному.

Вряд ли хозяин к нему подойдет
И на ночлег за собой поведет.
Видно, они без него не грустят
И за проказы уже не простят...

Серые тени ползли по стене,
Тявкала такса в соседнем окне.

Пахло теплом и домашней едой.
Пасмурный день обернулся бедой...

Вышел во двор из подъезда сосед.
Был он сутул, неухожен и сед...
Шел он гулять по причине простой —
Вечером тошно в квартире пустой.

С кем-то хотелось ему поболтать
И перед сном от прогулки устать.
Он озирался вокруг неспроста —
Вот и заметил беднягу-кота.

Очень испуган был брошенный кот!
Сразу понятно — попал в оборот!

Он осторожно к коту подошел,
Что-то съедобное в сумке нашел
И, посочувствовав доле такой,
Теплую спинку погладил рукой.

Ведь понимал он кота потому,
Что побираться случалось ему.
Тоже не раз он лишался жилья,
Тоже его предавали друзья.

Он не забыл, как холодной зимой,
Бледный от голода, плелся домой,
Не раздевался, ложась на кровать, —
Некому было его согреть.

— Слушай, дружище, — коту он сказал, —
Жаль, что квартира моя — не вокзал:
Часто бывает темна и пуста.
Может быть, ей не хватает кота?

Будешь усердно ее охранять,
Мебель царапать и шторы ронять,
Громко мурлыкать, ложась на кровать,
Рыбку из сумки моей воровать,

Рыться в ведре, убираться мешать,
Бегать за тряпкой и в ухо дышать,
За голубями в окошке следить
И на прогулки со мною ходить.

Вместе кормиться нам будет легко:
Мне макароны, тебе — молоко,
А захотим «червячка заморить» —
В доме найдется чего поделить.

Лишь на минутку задумался кот:
Этот хозяин добрее, чем тот.

Разве приходится тут выбирать —
Жить у него или здесь помирать?

Он успокоился, громко вздохнул,
Спинкой потерся и ногу боднул:
Я, мол, согласен, пошли поскорей!
Не перепутать бы в спешке дверей...

...Вместе свой век коротали потом
Старый хозяин со старым котом...

Человеки

Никите Сергеевичу Михалкову

*...Дух Мильтона явился мне сейчас, —
И лютню снял с густого древа жизни,
И громом сладкозвучия потряс
Людишек, презирающих людей....*

Перси Биши Шелли

...Пал первый гром на голые деревья!
Внезапно это действие совершилось,
копилось напряжение в природе
и гулко в небесах отозвалось.
Усталые прохожие гадали,
какой напастью вскоре обернется
подобное небесное знаменье.
Жаль, не осталось прежних стариков,
которые не только эти звуки —
любые суеверья и приметы
с усердием могли истолковать.
И более того — они владели
искусством управления стихией.
Об этом не пристало говорить,
но видеть приходилось, как внезапно
сдавались их непостижимой силе
ветра и снегопады.
Даже смерчи
не смели безобразничать тогда...

И впрямь, в ту пору жили — *человеки!*
Им нынешние люди не чета.
Благоухала русская равнина,
манила всех природным изобильем,
покоем и немислимим простором,
которого теперь не отыскать!
Да, в те года жива была природа,
и зло не разъедало человека,
и полнилось достатком и любовью
его неприхотливое жильё.

Тогда еще бредовые виденья
его наивный разум не терзали
и жить хотелось сердцем, не умом!
Не ведало границ его познание,
нет, не законов — сущности природы.
Он был любимым баловнем ее —
то речкой, говорливой, полноводной,
то молодой, бушующей дубравой,
то ланью, окропившею копытца
живительной предутренней росой.
Он в небесах парил с весенним ветром,
тянулся к солнцу ветками деревьев,
и тучи, словно думы, бороздили
его невозмутимое чело!
А грудь его была бескрайним полем
с кузнечиками, жабами, жуками,
с травой, цветами, жаворонка трелью —
всем тем, что невозможно перечесать.

Ответь себе — куда же это делось?
Зачем, скажи, упорно, год за годом,
мы с наслажденьем все уничтожаем,
толкаем в глотку то, что не проглотим,
хватает, что не в силах унести?
Как быстро и легко людские руки
природную сноровку растеряли
и превратились в жалкие придатки
когда-то ими созданных машин!
И почему святая наша вера
не прижилась ни в хижинах, ни в храмах,
и стала вороватой попрошайкой
испуганная девочка-душа?
Она еще тревожит нас порою,
когда, очнувшись, с ужасом взирает
на то, что сотворили мы с собой.
Но сон все крепче, все прочнее пути
и все слабее к разуму призывы...
Ответов не сыскать, одни вопросы
вокруг торчат, как жалкие пеньки...

Увы, Господь,
платить нам больше нечем
за яблочко из сада Твоего...
Прости.
Не по карману нам цена...